

ЖИЗНЬ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Князь Александр Невский принадлежит к числу тех великих людей в истории нашего Отечества, чья деятельность не просто оказала влияние на судьбы страны и народа, но во многом изменила их, предопределила ход русской истории на многие столетия вперед. Ему выпало править Русью в тяжелейшей, переломный момент, последовавший за разорительным монгольским завоеванием, когда речь шла о самом существовании Руси, о том, сумеет ли она уцелеть, сохранить свою государственность, свою этническую самостоятельность или исчезнет с карты,

подобно многим другим народам Восточной Европы, подвергшимся нашествию одновременно с ней.

НАЧАЛО КНЯЖЕСКОГО ПУТИ

Александр Невский родился в 1220 году, в городе Переяславле-Залесском, и был вторым сыном Ярослава Всеволодовича, в то время переяславского князя. Его мать Феодосия, по всей видимости, была дочерью знаменитого торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного, или Удалого.

Очень рано Александр оказался вовлечен в бурные политические события, развернувшиеся вокруг княжения в Великом Новгороде — одном из крупнейших городов средневековой Руси. Именно с Новгородом будет связана большая часть его биографии. В первый раз Александр попал в этот город еще младенцем — зимой 1223 года, когда его отца пригласили на новгородское княжение. Однако княжение оказалось недолгим: в конце того же года, рассорившись с новгородцами, Ярослав с семьей вернулся в Переяславль. Так и будет Ярослав то мириться, то ссориться с Новгородом, а затем то же повторится и в судьбе Александра.

Объяснялось это просто: новгородцы нуждались в сильном князе из близкой к ним Северо-Восточной Руси для того, чтобы он мог защитить город от внешних врагов. Однако такой князь правил Новгородом слишком круто, и горожане обычно скоро ссорились с ним и приглашали на княжение какого-нибудь южнорусского князя, не слишком досаждавшего им; и все бы хорошо, но тот, увы, не мог защитить их в случае опасности, да и заботился больше о своих

южных владениях — вот и приходилось новгородцам вновь обращаться за помощью к владимирским или переяславским князьям, и все повторялось заново.

Вновь князя Ярослава пригласили в Новгород в 1226 году. Спустя два года князь опять покинул город, но на этот раз оставил в нем в качестве князей своих сыновей — девятилетнего Федора (своего старшего сына) и восьмилетнего Александра. Вместе с детьми остались бояре Ярослава — Федор Данилович и княжеский тиун Яким. Им, однако, не удалось совладать с новгородской “вольницей” и в феврале 1229 года пришлось бежать с княжичами в Переяславль.

На короткое время в Новгороде утвердился князь Михаил Всеволодович Черниговский, будущий мученик за веру и почитаемый святой. Но южнорусский князь, правивший отдаленным Черниговом, не мог защитить город от угрозы извне; к тому же в Новгороде начались жестокий голод и мор.

В декабре 1230 года новгородцы в третий раз пригласили Ярослава. Тот спешно приехал в Новгород, заключил договор с новгородцами, но пробыл в городе лишь две недели и вернулся в Переяславль. На княжении в Новгороде вновь остались его сыновья Федор и Александр.

НОВГОРОДСКОЕ КНЯЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Так, в январе 1231 года Александр формально стал новгородским князем. До 1233 года он правил вместе со своим старшим братом. Но в этом году Федор умер (его внезапная смерть случилась перед самой свадьбой, когда все уже было готово к свадебному пиру). Реальная же власть целиком оставалась в руках его отца. Вероятно, Александр принимал участие в отцовских походах (например, в 1234 году под Юрьев, против ливонских немцев, и в том же году против литовцев). В 1236 году Ярослав Всеволодович занял освободившийся киевский престол. С этого времени шестнадцатилетний Александр становится самостоятельным правителем Новгорода.

Начало его княжения пришлось на страшную пору в истории Руси — нашествие монголо-татар. До Новгорода полчища Батыя, обрушившегося зимой 1237/38 годов на Русь, не дошли. Но большая часть Северо-Восточной Руси, ее крупнейшие города — Владимир, Суздаль, Рязань и другие — были разрушены. Погибли многие князья, в том числе дядя Александра великий князь Владимирский Юрий Всеволодович и все его сыновья. Великокняжеский престол получил отец Александра Ярослав (1239). Происшедшая катастрофа перевернула весь ход русской истории и наложила неизгладимый отпечаток на

судьбы русских людей, в том числе, конечно, и Александра. Хотя в первые годы княжения ему и не пришлось непосредственно столкнуться с завоевателями.

Главная угроза в те годы исходила для Новгорода с запада. С самого начала XIII века новгородским князьям приходилось сдерживать натиск усиливавшегося Литовского государства. В 1239 году Александр строит укрепления по реке Шелони, защищая юго-западные рубежи своего княжества от литовских набегов. В том же году произошло важное событие в его жизни — Александр женился на дочери

полоцкого князя Брячислава, своего союзника в борьбе с Литвой. Свадьбу устроили в Торопце — важном городе на русско-литовском пограничье, а повторный свадебный пир — в Новгороде.

Еще большую опасность для Новгорода представляло продвижение с запада немецких рыцарей-крестоносцев из Ливонского ордена Меченосцев (объединившегося в 1237 году с Тевтонским орденом), а с севера — Швеции. Можно думать, что известие о страшном Батыевом разгроме Руси побудило правителей Швеции к перенесению военных действий на территорию собственно Новгородской земли.

Шведское войско вторглось в новгородские пределы летом 1240 года. Их корабли вошли в Неву и остановились у устья ее притока Ижоры. Поздние русские источники сообщают, что шведское войско возглавлял знаменитый в будущем ярл Биргер, зять шведского короля Эрика Эриксона и многолетний правитель Швеции, однако исследователи с сомнением относятся к этому известию. По свидетельству летописи, шведы намеревались “захватить Ладугу, попросту же сказать и Новгород, и всю область Новгородскую”.

БИТВА СО ШВЕДАМИ НА НЕВЕ

Это было первое по-настоящему серьезное испытание для молодого новгородского князя. И Александр с честью выдержал его, проявив качества не только прирожденного полководца, но и государственного мужа. Именно тогда, при получении известия о вторжении, и прозвучали его ставшие знаменитыми слова: **“Не в силе Бог, но в правде!”**

Собрав небольшую дружину, Александр не стал дожидаться помощи от отца и выступил в поход. По пути он соединился с ладожанами и 15 июля внезапно напал на шведский лагерь. Битва закончилась полной победой русских. Новгородская летопись сообщает об огромных потерях со стороны противника: “И пало их многое множество; наполнили два корабля телами лучших мужей и пустили впереди себя по морю, а для прочих выкопали яму и побросали туда без числа”. Русские, по свидетельству той же летописи, потеряли всего 20 человек. Возможно, что потери

шведов преувеличены (показательно, что в шведских источниках нет упоминаний об этом сражении), а русских — преуменьшены. Сохранился составленный в XV веке синодик новгородской церкви Святых Бориса и Глеба в Плотниках с упоминанием “княжих воевод, и новгородских воевод, и всех избиенных братии нашей”, павших “на Неве от немец при великом князе Александре Ярославиче”; их память чтили в Новгороде и в XV, и в XVI веках, и позже. Тем не менее значение Невской битвы очевидно: шведский натиск в направлении Северо-Западной Руси был остановлен, а Русь показала, что, несмотря на монгольское завоевание, в состоянии защищать свои границы.

Житие Александра особо выделяет подвиг шестерых “храбрецов” из полка Александра: Гаврилы Олексича, Сбыслава Якуновича, полочанина Якова, новгородца Миши, дружинника Савы из младшей дружины (подрубившего златоверхий королевский шатер) и Ратмира, погибшего в схватке. Рассказывает Житие и о чуде, совершенном во время битвы: на противоположной стороне Ижоры, где вовсе не было новгородцев, впоследствии нашли множество трупов павших врагов, которых поразил ангел Господень.

Эта победа принесла громкую славу двадцатилетнему князю. Именно в ее честь он и получил почетное прозвище — Невский.

Вскоре после победоносного возвращения Александр рассорился с новгородцами. Зимой 1240/41 года князь вместе с матерью, женой и “своим двором” (то есть войском и княжеской администрацией) уехал из Новгорода во Владимир, к отцу, а оттуда — “на княжение” в Переяславль. Причины его конфликта с новгородцами неясны. Можно предполагать, что Александр стремился властно, по примеру своего отца, управлять Новгородом, и это

вызвало сопротивление со стороны новгородского боярства. Однако лишившись сильного князя, Новгород не смог остановить наступление еще одного врага — крестоносцев. В год Невской победы рыцари в союзе с “чудью” (эстонцами) захватили город Изборск, а затем и Псков — важнейший форпост на западных рубежах Руси. На следующий год немцы вторглись в новгородские земли, взяли город Тесов на реке Луге и поставили крепость Копорье. Новгородцы обратились за помощью к Ярославу, прося его прислать сына. Ярослав сначала отправил к ним своего сына Андрея, младшего брата Невского, но после повторной просьбы новгородцев согласился снова отпустить Александра. В 1241 году Александр Невский вернулся в Новгород и был восторженно встречен жителями.

ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

И вновь он действовал решительно и без всякого промедления. В том же году Александр взял крепость Копорье. Немцев частью пленил, а частью отпустил домой, изменников же эстонцев и вожан повесил. На следующий год с новгородцами и суздальской дружиной своего брата Андрея Александр двинулся к Пскову. Город был взят без особого труда; немцы, бывшие в городе, перебиты или отосланы в качестве военной добычи в Новгород. Развивая успех, русские войска вступили в Эстонию. Однако в первом же столкновении с рыцарями сторожевой отряд Александра потерпел поражение. Один из воевод, Домаш Твердиславич, был убит, многие взяты в плен, а уцелевшие бежали в

полк к князю. Русским пришлось отступить. 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера (“на Узмени, у Вороньего камня”) произошла битва, вошедшая в историю как Ледовое побоище. Немцы и эстонцы, двигавшиеся клином (по-русски, “свиньей”), пробили передовой полк русских, но затем были окружены и полностью разбиты. “И гнали за

ними, избивая, семь верст по льду”, — свидетельствует летописец.

В оценке потерь немецкой стороны русские и западные источники расходятся. Согласно Новгородской летописи, погибло бесчисленное множество “чуди” и 400 (в другом списке 500) немецких рыцарей, а 50 рыцарей попали в плен. “И возвратился князь Александр с победою славною, — рассказывает Житие святого, — и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя “Божьими рыцарями””. Рассказ об этой битве имеется и в так называемой Ливонской рифмованной хронике конца XIII века, но она сообщает

лишь о 20 погибших и 6 плененных немецких рыцарях, что представляет собой, по-видимому, сильное преуменьшение. Впрочем, различия с русскими источниками отчасти могут быть объяснены тем, что русские считали всех убитых и раненых немцев, а автор “Рифмованной хроники” — только “братьев-рыцарей”, то есть действительных членов Ордена.

Ледовое побоище имело огромное значение для судеб не только Новгорода, но и всей России. На льду Чудского озера была остановлена крестоносная агрессия. Русь получила мир и стабильность на своих северо-западных границах. В том же году между Новгородом и Орденом был заключен мирный договор, по которому состоялся обмен пленными, и возвращались все захваченные немцами русские территории. Летопись передает слова немецких послов, обращенные к Александру: “Что заняли мы силою без князя Водь, Лугу, Псков, Латыголу — от того всего отступаемся. А что мужей ваших в плен захватили — готовы тех обменять: мы ваших отпустим, а вы наших пустите”.

БИТВА С ЛИТОВЦАМИ

Успех сопутствовал Александру и в битвах с литовцами. В 1245 году он нанес им жестокое поражение в ряде битв: у Торопца, под Жижицем и возле Усвята (недалеко от Витебска). Многие литовские князья были перебиты, а иные захвачены в плен. “Слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих, — рассказывает автор Жития. — И начали они с того времени бояться имени его”. Так были прекращены на время и литовские набеги на Русь.

Известен еще один, более поздний поход Александра против шведов — в 1256 году. Он был предпринят в ответ на новую попытку шведов вторгнуться в пределы Руси и основать крепость на восточном, русском, берегу реки Наровы. К тому времени слава о победах Александра разошлась уже далеко за пределы Руси. Узнав даже не о выступлении русской рати из Новгорода, но только лишь о подготовке к выступлению, захватчики “побегоша за море”. На этот раз Александр направил свои дружины в Северную Финляндию, недавно присоединенную к шведской короне. Несмотря на тяготы зимнего перехода по заснеженной пустынной местности, поход закончился успешно: “И повоевали Поморье всё: одних убили, а других в полон взяли, и обратно возвратились в землю свою со множеством полона”.

Но Александр не только воевал с Западом. Около 1251 года был заключен договор между Новгородом и Норвегией об урегулировании пограничных споров и разграничении в сборе дани с огромной территории, на которой проживали карелы и саамы. Тогда же Александр вел переговоры о женитьбе своего сына Василия на дочери норвежского короля Хакона Хаконарсона.

Правда, переговоры эти не увенчались успехом из-за вторжения на Русь татар — так называемой “Неврюевой рати”.

В последние годы жизни, между 1259 и 1262 годами, Александр от своего имени и от имени своего сына Дмитрия (провозглашенного в 1259 году новгородским князем) “со всеми новгородцы” заключил договор о торговле с “Готским берегом” (Готландом), Любеком и немецкими городами; этот договор сыграл важную роль в истории русско-немецких отношений и оказался весьма долговечным (на него ссылались даже в 1420 году).

В войнах с западными противниками — немцами, шведами и литовцами — ярко проявился полководческий талант Александра Невского. Но совершенно по-иному складывались его отношения с Ордой.

ОТНОШЕНИЯ С ОРДОЙ

После смерти в 1246 году отца Александра великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, отравленного в далеком Каракоруме, великокняжеский престол перешел к дяде Александра князю Святославу Всеволодовичу. Однако спустя год того сверг брат Александра Андрей, князь воинственный, энергичный и решительный. Последующие события не вполне ясны. Известно, что в 1247 году Андрей, а вслед за ним и Александр совершили поездку в Орду, к Батыю. Тот отправил их еще дальше, в Каракорум, столицу огромной Монгольской империи (“к Кановичам”, как говорили на Руси).

Братья вернулись на Русь лишь в декабре 1249 года. Андрей получил от татар ярлык на великокняжеский престол во Владимире, Александр же — Киев и “всю Русскую землю” (то есть Южную Русь). Формально статус Александра был выше, ибо Киев по-прежнему считался главным стольным городом Руси. Но разоренный татарами и обезлюдивший, он полностью потерял свое значение, а потому Александр едва ли мог быть удовлетворен принятым решением. Даже заезжая в Киев, он сразу же отправился в Новгород.

ПЕРЕГОВОРЫ С ПАПСКИМ ПРЕСТОЛОМ

Ко времени поездки Александра в Орду относятся его переговоры с папским престолом. Сохранились две буллы папы Иннокентия IV, адресованные князю Александру и датированные 1248 годом. В них предстоятель Римской церкви предлагал русскому князю союз для борьбы против татар — но при условии принятия им церковной унии и перехода под покровительство римского престола.

Папские легаты не застали Александра в Новгороде. Однако можно думать, что еще до своего отъезда (и до получения первого папского послания) князь провел какие-то переговоры с представителями Рима. В ожидании предстоящей поездки “к Кановичам” Александр дал

уклончивый ответ на предложения папы, рассчитанный на продолжение переговоров. В частности, он соглашался на построение в Пскове латинской церкви — кирхи, что было делом вполне обычным для древней Руси (такая католическая церковь — “варяжская божница” — существовала, например, в Новгороде еще с XI века). Папа расценил согласие князя как готовность пойти на унию. Но такая оценка была глубоко ошибочной.

Оба папских послания князь, вероятно, получил уже по возвращении из Монголии. К этому времени он сделал выбор — и не в пользу Запада. Как полагают исследователи, увиденное на пути от Владимира к Каракоруму и обратно произвело на Александра сильное впечатление: он убедился в несокрушимой мощи Монгольской империи и в невозможности разоренной и ослабленной Руси противиться власти татарских “царей”.

Вот как передает Житие князя его знаменитый ответ папским посланникам: “Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: “Папа наш так говорит: Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух искуснейших... чтоб ты послушал учение их о законе Божьем”.

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, отписал к нему, так говоря: “От Адама до потопа, от потопа до разделения языков, от смешения языков до начала Авраама, от Авраама до прохождения Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства

Соломонова до Августа царя, от начала Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса и до царства Константинова, от начала царства Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — все то хорошо ведаем, а от вас учения не принимаем“. Они же возвратились восвояси”.

В этом ответе князя, в его нежелании даже вступать в прения с латинскими послами проявилась отнюдь не какая-то его религиозная ограниченность, как может показаться на первый взгляд. Это был выбор и религиозный, и политический. Александр отдавал себе отчет в том, что Запад не сможет помочь Руси в освобождении от ордынского ига; борьба же с Ордой, к которой призывал папский престол, могла оказаться губительной для страны. Не готов был Александр пойти и на унию с Римом (а именно это было непременным условием предлагавшегося союза). Принятие унии — даже при формальном согласии Рима на сохранение всех православных обрядов в богослужении — на практике могло означать лишь простое подчинение латинянам, причем одновременно и политическое, и духовное. История господства латинян в Прибалтике или в Галиче наглядно доказывало это.

Так князь Александр избрал для себя иной путь — путь отказа от всякого сотрудничества с Западом и вместе с тем путь вынужденной покорности Орде, принятия всех ее условий. Именно в этом увидел он единственное спасение как для своей власти над Русью — пусть и ограниченной признанием ордынского суверенитета, — так и для самой Руси.

Период недолгого великого княжения Андрея Ярославича очень слабо освещен в русских летописях. Однако очевидно, что между братьями назревал конфликт. Андрей — в отличие от Александра — показал себя противником татар. Зимой 1250/51 года он вступил в брак с дочерью галицкого князя Даниила Романовича, сторонника решительного сопротивления Орде. Угроза объединения сил Северо-Восточной и Юго-Западной Руси не могла не встревожить Орду.

Развязка наступила летом 1252 года. В точности не известно, что же тогда произошло. По свидетельству летописей, Александр снова отправился в Орду. Во время его пребывания там (а может быть, уже после возвращения на Русь) из Орды против Андрея была направлена карательная экспедиция под началом Неврюя. В сражении у Переяславля дружина Андрея и поддержавшего его брата Ярослава была разгромлена. Андрей бежал в Швецию. Северо-восточные земли Руси оказались разграблены и разорены, множество людей убито или уведено в плен.

В ОРДЕ

Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, умалчивают о какой бы то ни было связи между поездкой Александра в Орду и действиями татар. Однако можно догадываться, что поездка Александра в Орду была связана с переменами на ханском престоле в Каракоруме, где летом 1251 года великим ханом был провозглашен Менгу, союзник Батыя. По свидетельству источников, “все ярлыки и печати, которые князьям и вельможам без разбору были выданы в предшествующее царствование”, новый хан приказал отобрать. А значит, теряли силу и те решения, в соответствии с которыми брат Александра Андрей получил ярлык на великое княжение Владимирское. В отличие от брата, Александр был крайне заинтересован в пересмотре этих решений и получении в свои руки великого княжения Владимирского, на которое он — как старший из Ярославичей — имел больше прав, нежели его младший брат.

Так или иначе, но в последнем в истории переломного XIII века открытом военном столкновении русских князей с татарами князь Александр оказался — может быть, и не по своей вине — в лагере татар. Именно с этого времени можно определенно говорить об особой “татарской политике” Александра Невского — политике умиротворения татар и беспрекословного повиновения им. Последующие его частые поездки в Орду (1257, 1258, 1262 годы) имели целью предотвратить новые вторжения на Русь. Князь стремился исправно выплачивать огромную дань завоевателям и не допускать выступлений против них в самой Руси.

Историки по-разному оценивают ордынскую политику Александра. Одни видят в ней простое угодничество перед безжалостным и непобедимым врагом, стремление любыми средствами удержать в своих руках власть над Русью; другие, напротив, считают важнейшей заслугой князя. “Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке, — писал крупнейший историк Русского Зарубежья Г. В. Вернадский, — имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром”.

Близкую оценку политики Александра Невского дал и советский исследователь средневековой России В. Т. Пашуто: “Своей осторожной осмотрительной политикой он уберег Русь от окончательного разорения ратями кочевников. Вооруженной борьбой, торговой политикой, избирательной дипломатией он избежал новых войн на Севере и Западе, возможного, но губительного для Руси

союза с папством и сближения курии и крестоносцев с Ордой. Он выиграл время, дав Руси окрепнуть и оправиться от страшного разорения”.

Как бы то ни было, бесспорно, что политика Александра надолго определила взаимоотношения между Русью и Ордой, во многом обусловила выбор Руси между Востоком и Западом. Впоследствии эту политику умиротворения Орды продолжают московские князья — внуки и правнуки Александра Невского. Но исторический парадокс — а вернее, историческая закономерность — заключается в том, что именно им, наследникам ордынской политики Александра Невского, удастся возродить могущество Руси и сбросить в конце концов ненавистное ордынское иго.

КНЯЗЬ ЦЕРКВИ ВОЗДВИГ, ГОРОДА ОТСТРОИЛ

В том же 1252 году Александр вернулся из Орды во Владимир с ярлыком на великое княжение и торжественно был посажен на великокняжеский престол. После страшного Неврюева разорения он в первую очередь должен был позаботиться о восстановлении разрушенного Владимира и других русских городов. Князь “церкви воздвиг, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их”, — свидетельствует автор княжеского Жития. Особую заботу князь проявлял по отношению к Церкви, украшая храмы книгами и утварью, жалую их богатыми дарами и землей.

НОВГОРОДСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

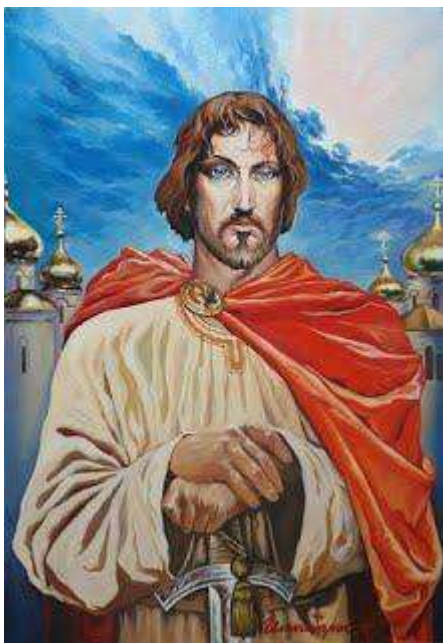
Немало беспокойств доставлял Александру Новгород. В 1255 году новгородцы изгнали сына Александра Василия и посадили на княжение князя Ярослава Ярославича, брата Невского. Александр подступил к городу со своей дружиной. Однако кровопролития удалось избежать: в результате переговоров был достигнут компромисс, и новгородцы подчинились.

Новое волнение в Новгороде произошло в 1257 году. Оно было вызвано появлением на Руси татарских “численников” — переписчиков населения, которые были присланы из Орды для более точного обложения населения данью. Русские люди того времени относились к переписи с мистическим ужасом, видя в ней знак Антихриста — предвестие последних времен и Страшного суда. Зимой 1257 года татарские “численники” “исчислили всю землю

Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и поставили десятников, и тысячников, и темников”, — записывал летописец. От “числа”, то есть от дани, было освобождено только духовенство — “церковные люди” (монголы неизменно освобождали от даней служителей Бога во всех покоренных ими странах, независимо от вероисповедания, дабы те могли свободно обращаться к различным богам со словами молитвы за своих завоевателей).

В Новгороде, непосредственно не затронутом ни Батыевым нашествием, ни “Неврюевой ратью”, известие о переписи было встречено с особенным ожесточением. Волнения в городе продолжались целый год. На стороне горожан оказался даже сын Александра князь Василий. При появлении отца, сопровождавшего татар, он бежал в Псков. На этот раз новгородцы избежали переписи, ограничившись выплатой богатой дани татарам. Но их отказ исполнить ордынскую волю вызвал гнев великого князя. Василий был сослан в Суздаль, зачинщики беспорядков жестоко наказаны: одних, по приказанию Александра, казнили, другим “урезали” нос, третьих ослепили. Лишь зимой 1259 года новгородцы, наконец, согласились “дать число”.

Тем не менее появление татарских чиновников вызвало в городе новый мятеж. Лишь при личном участии Александра и под защитой княжеской дружины перепись была проведена. “И начали окаянные ездить по улицам, переписывая дома христианские”, сообщает новгородский летописец. После окончания переписи и отъезда татар Александр покинул Новгород, оставив в нем князем малолетнего сына Дмитрия.

В 1262 году Александр заключил мир с литовским князем Миндовгом. В том же году он послал большое войско под номинальным командованием своего сына Дмитрия против Ливонского ордена. В этом походе приняли участие дружины младшего брата Александра Невского Ярослава (с которым он успел примириться), а также его нового союзника, литовского князя Товтивила, обосновавшегося в Полоцке. Поход завершился крупной победой — был взят город Юрьев (Тарту).

В конце того же 1262 года Александр в четвертый (и последний) раз отправился в Орду. “Было в те времена насилие великое от иноверных, — рассказывает княжеское Житие, — гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю (ордынскому хану Берке), чтобы

отмолить людей своих от этой беды”. Наверное, князь стремился также избавить Русь от новой карательной экспедиции татар: в том же 1262 году в ряде русских городов (Ростове, Суздале, Ярославле) вспыхнуло народное восстание против бесчинств сборщиков татарской дани.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА

Александру, очевидно, удалось достичь своих целей. Однако хан Берке задержал его почти на год. Лишь осенью 1263 года, уже больной, Александр вернулся на Русь. Добравшись до Нижнего Новгорода, князь совсем занемог. В Городце на Волге, уже чувствуя приближение смерти, Александр принял монашеский постриг (согласно поздним источникам, с именем Алексея) и 14 ноября скончался. Тело его перевезли во Владимир и 23 ноября похоронили в соборе Рождества Богородицы Владимирского Рождественского монастыря при огромном стечении народа. Известны слова, которыми митрополит Кирилл возвестил народу о кончине великого князя: **“Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!”** По-другому — и, может быть, более точно — выразился новгородский летописец: князь Александр **“потрудился за Новгород и за всю Русскую землю”**.

Автор А.Ю. Карпов, историк, писатель, член Союза писателей России